

поля, наконец, на могильных крестах и голбиках на кладбищах. Изобразительный элемент в них богаче и разнообразнее, чем в подвесках. Место символов в них заступили изображения людей (святых) и сложные, многофигурные композиции.

Литые кресты и образки в еще большей степени, чем языческие подвески, — памятники культовые, с такими же охранительными функциями. Формальным содержанием их со стороны изобразительной является обычный круг христианских религиозных сюжетов, общий с произведениями живописи, иконами. Связанные, как все христианское изобразительное искусство, в своей основе с литературой, они в силу указанных особенностей их бытового употребления восприняли во многом традиционные связи с фольклором. И если нельзя чрезмерно сближать медное литье с фольклором, включать его в сферу последнего, то нельзя и пренебрегать обоюдными выгодами от их сопоставительного изучения.

Совершенно понятно, что в произведениях христианской меднолитой пластики невозможно ожидать светских (эпических, сказочных или былинных) сюжетов и персонажей. Но если сюжеты литых образков подвергнуть обработке массово-статистическим методом (чего еще не производилось и для чего с каждым годом становится меньше возможностей, ибо быстро уменьшается число сохранившихся памятников), несомненно была бы установлена среди них большая распространенность героев, которые из христианской мифологии перешли в фольклор. Егорий, Никола, Илья, столь часто встречаемые на образках, как известно, были действующими лицами и многих произведений устнофольклорных жанров — сказок, легенд, народных поверий, духовных стихов.

Еще важнее сходная в фольклоре и мелкой пластике разработка художественных образов и характеристик. В литых образках нет Георгия — пешего воина, патриция и мученика; здесь он всегда на коне, поражающий змея. Мотивы коня и змея искони были близки народному искусству и повторяются тысячи раз в народной резьбе, росписях, вышивках. Мало того, некоторые литые образки Георгия характеризуются особо яркими чертами народности. На таких образках, имеющих в ряде музейных собраний, «Егорий храбрый представлен не столько христианским святым, сколько языческим солнечным богом: его огромный круглый лик смотрит прямо на зрителя (хоть конь скачет вправо), лучи, окружающие лицо, дополняют сходство с традиционным средневековым изображением человекоподобного солнца».⁷ К тому же наряду с фольклорной трактовкой образа его стилистическое выражение носит также следы явного воздействия народной деревянной резьбы.⁸

К сопоставлению памятников художественного литья с памятниками фольклора приводят и сходные черты их воспроизведения. Как устно-поэтические произведения, раз сложенные, жили века, передавались от исполнителя к исполнителю, из поколения в поколение, так и раз созданный образец получал затем в разное время не поддающееся учету число реплик путем повторных отливок.⁹ Существенно то, что новые и новые

⁷ Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства, т. III, М., 1955, стр. 218.

⁸ Ср.: Гос. Русский музей, № М-951. См.: Н. Г. Порфиридов. Георгий в древнерусской мелкой пластике. — Сообщения Гос. Русского музея, т. VIII, Л., 1964, стр. 123, рис. 10.

⁹ Вопросы технологии и техники медного литья исследуются в фундаментальной работе В. М. Тетеряникова «К вопросу о датировке древнерусской меднолитой пластики». Работа, сделанная на основе изучения нескольких тысяч памятников, еще не напечатана, но известна специалистам по докладу автора в Институте истории искусств.